

ИСТОРИЯ

УДК 327.8 (73+510+515)

Т.Л. Андреева, К.Е. Керн

ТИБЕТСКИЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена проблеме сепаратизма в Тибетском автономном районе КНР, его влиянию на развитие американо-китайских отношений. Рассмотрены и проанализированы предпосылки возникновения сепаратизма в ТАР и СУАР, определена значимость формирования национального самосознания, общности религиозных убеждений и длительной истории независимой государственности. Уделяется внимание отношению руководства КНР к этому вопросу, роли и степени влияния личности Далай-ламы и его визитов в США на данную проблему. Сделана попытка оценить актуальность тибетского вопроса с точки зрения восприятия другими государствами опыта по борьбе с проблемой сепаратизма и важности тибетского вопроса для американо-китайских отношений. Анализ источников и литературы по теме позволил определить отношение других государств к Тибетскому вопросу, выявить степень влияния Тибетского фактора на развитие американо-китайских отношений.

Ключевые слова: сепаратизм; Тибетский вопрос; Далай-лама; американо-китайские отношения; национальное самосознание.

Общеизвестно, что в настоящее время все большее внимание мировой общественности привлекают периодические всплески напряженности в некоторых районах КНР. Понятия «уйгурский вопрос», «тайваньская проблема», «тибетский сепаратизм» перестали быть новыми и прочно вошли в обиход не только «верхушки» политической власти, но и всей мировой общественности. Прежде всего проблема китайского сепаратизма неразрывно связана с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР), где всплески нестабильности в июле 2009 г., октябре 2013 г. и мае 2014 г. вызвали большой резонанс среди мировой общественности, а также с Тибетским автономным районом (ТАР).

Безусловно, трудности, возникающие в СУАР и ТАР, неслучайны: они связаны прежде всего с тем, что в своем историческом развитии коренные этносы данных районов достигли высокого социально-политического уровня и имели уже сформированное национальное самосознание [1. С. 17]. Именно сформировавшееся и имеющее длительную историю национальное самосознание является одним из факторов, определяющих ситуацию в СУАР и ТАР, поскольку, как подчеркивают исследователи, национальное самосознание как часть психического компонента нации означает осознание этой общности ее сочленами в качестве особенного, отличного от других образований, ровно как и отнесение их самих к данному национальному коллективу [2], национальное самосознание понимается не только как идентификация индивидом самого себя в качестве члена определенной национальной группы, но и как сформировавшийся образ единого целого под названием «мы» [Там же].

Таким образом, национальное самосознание как двустороннее явление, которое заключается в осознании всеми ее членами своего единства на основе принадлежности к нации и которое содержит систему ментальных структур, проявляющихся в виде оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть мира [Там же]; как «наиболее достоверный и надежный признак

национальной общности, критерий национального единства» [2] представляет собой достаточно стабильное образование, которое под влиянием исторических, экономических и политических факторов может подвергаться лишь незначительным изменениям и являет собой «опору», «общую платформу», позволяющую населению автономных областей Тибета и Синьцзяна выступать за расширение независимости данных территорий и вступать в конфронтацию с властями КНР.

Кроме того, их отличает традиция длительной независимой государственности (особенно Тибет).

Одним из важнейших мобилизующих факторов также признается религиозный: население исповедует ислам и буддизм [1. С. 17]. Стоит отметить, что наряду с другими составляющими национального самосознания, такими как культура, язык и этнос, религия как совокупность вероисповеданий, распространенных среди членов определенной общности, играет одну из важнейших ролей в формировании национальной общности и ее самосознания. Так, история многих народов хранит примеры, когда церковные институты и религиозная практика господствовали и радикально влияли на все другие проявления общественного сознания, социальные организации и культуры [2]. Все это позволяет говорить о существенной роли религии при становлении и функционировании этносов и развитии их культуры, а впоследствии – национального самосознания и интересов определенных национальных групп, в ходе борьбы за которые появляется проблема сепаратизма и национализма. Важно, что этнос и культура также способны влиять на религию. Существует точка зрения, что религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль, церковные установления глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют и сами являются частью местного (этно-религиозного) своеобразия. А мировые религии, в силу взаимодействия с повседневным бытом народа, отличаются определенным национальным колоритом, т.е. обуславливаются этнической и культурной составляющими национального самосознания [Там же].

Исходя из всего вышесказанного, исследователи отмечают, что жителям ТАР и СУАР «становится тесно» в рамках унитарного государства [1. С. 18].

Возникшая и приобретающая все большую актуальность проблема не могла не вызвать должной реакции властей КНР – сепаратизм был отнесен к одной из «трех враждебных сил», являющихся «общим врагом многонационального народа Китая»: сепаратизм, терроризм, религиозный экстремизм [3]. Серьезная озабоченность китайского правительства этой «триадой» существует на протяжении нескольких лет. Неслучайным стало заключение в июне 2001 г. совместно с главами Республики Казахстан, Киргизской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [4].

Более того, согласно заявлению председателя Государственного комитета КНР по делам национальностей Ли Дэчжу, где бы ни давали о себе знать «три враждебные силы» (национальный сепаратизм, терроризм и религиозный экстремизм), они всегда выступают против руководства КПК, добиваются раскола страны и представляют собой серьезную угрозу для всего многонационального Китая. Национальный вопрос и религия для этих сил являются лишь предлогом, используя который они проводят свою подрывную деятельность [5. С. 3].

Несмотря на тот факт, что китайские власти отдают должное национальным традициям, районная национальная автономия имеет статус сугубо административной единицы не китайских национальностей в рамках унитарного государства, без каких-либо признаков государственности. Малейшие отклонения пресекаются незамедлительно, решительно и жестко [1. С. 17]. С сепаратизмом Китай борется весьма активно. Прежде всего, посредством проведения политики заселения «уязвимых районов» китайцами. Как следствие в СУАР затруднено преподавание уйгурского языка, культуры и истории, создаются многочисленные препятствия исполнению уйгурских обычаев, что, в свою очередь, еще больше подогревает и без того раскаленный «котел напряженности» в регионе [Там же]. Примерно по тому же сценарию китайские власти действуют и в отношении сепаратистов Тибета – китаизация Тибета, сопровождаемая преследованием тибетцев, по мнению руководства КНР, предотвращает появление возможности использования сепаратистских тенденций в регионе в большой геополитической игре [Там же. С. 18].

Однако, как следствие, все чаще приходится говорить скорее о великоханьском национализме, а не о рациональном укреплении стабильности в этих районах. Стоит подчеркнуть, что самое сложное в сложившейся ситуации – удержаться на зыбкой грани борьбы с сепаратистами, с одной стороны, с другой – неоправданным ущемлением (а иногда и подавлением) национального самосознания национальных меньшинств, их традиций, образа жизни [Там же. С. 19]. Китайское руководство полагает, что именно непоколебимость и максимальная неуступчивость

властей по отношению к сепаратистам являются определяющим фактором в сдерживании набирающих обороты тенденций нестабильности и напряженности в таких районах, как Синьцзян-уйгурский, Тибетский автономный район, Внутренняя Монголия, Тайвань. Более того, основная ставка делается на улучшение социально-экономического положения населения в этих частях государства, повышение жизненного уровня радикально настроенных масс, проведение культурных изменений и борьбу с распространением сепаратистских идей [1. С. 19].

Одним из наиболее очевидных проявлений деятельности китайского правительства в области улучшения социально-экономического положения в этих регионах является реализация в СУАР стратегической концепции «Большого освоения западных земель», рассчитанной до 2050 г. Эта концепция предполагает развитие инфраструктуры, содействие урбанизации, развертывание системы социальной поддержки, развитие сельского хозяйства и животноводства [6].

Однако степень эффективности проводимых мер сегодня ставится под сомнение. Эксперты подчеркивают, что подобные действия являются недостаточными в вопросе урегулирования сепаратистских волнений в СУАР, ТАР и других районах [1. С. 17].

Важную роль в стимулировании развития сепаратистских настроений в стране и их распространении, по мнению высшего руководства КНР, играет личность Далай-ламы. «Далай-ламе давно пора отказаться от иллюзий о независимости Тибета и прекратить распространять сепаратистские настроения среди населения», – говорится в «Белой книге», опубликованной Госсоветом КНР [7]. Говоря о мерах по борьбе с развивающимся стремлением к обособлению, руководство КНР подчеркивает не только необходимость социально-экономического и культурного урегулирования ситуации в регионах нарастающей нестабильности, но и обращает внимание на объективную потребность в уменьшении политической значимости личности Далай-ламы как основного «вдохновителя» сепаратистских идей Тибета. Считается, что без определяющего влияния Далай-ламы большинство протибетских организаций просто перестанет существовать [8. Р. 87], что способно в значительной мере сократить степень напряженности в стране в целом. Неоднократно подчеркивалось, что влияние сепаратистов в Тибете опирается на группировки Далай-ламы, а он, в свою очередь, – на крупные западные государства с антикитайскими настроениями. Нередкими являются громкие заявления о том, что лидер тибетского духовенства является «поборником Запада» и именно он, как никто другой, ответствен за расшатывание ситуации в стране.

И действительно, вряд ли можно поспорить с тем фактом, что Далай-лама играет не последнюю роль в поддержании сепаратистских настроений в Тибете: бегство Далай-ламы XIV Тэнцзина Гьямцо на территорию Индии в 1959 г. развило и другую сторону Тибетского вопроса – проблему эмиграции. Вслед за духовным лидером на территорию Индии эмигрировало около 80 тыс. тибетцев [3. С. 18]. Кроме того,

разумеется, главным «раздражающим» фактором являются весьма близкие отношения Далай-ламы с Западом, его регулярные визиты, наносимые, в частности, американскому руководству и тепло воспринимаемые последним [9. Р. 602]. Только за последние 5 лет Далай-лама нанес более десяти визитов в США [10].

Тибет заслуживает особого внимания руководства КНР, убежденного, что уступки тибетским сепаратистам дадут «зеленый свет» настроениям того же толка в Синьцзяне и Внутренней Монголии, которые, в свою очередь, стремятся получить целый ряд важнейших китайских территорий в собственное распоряжение. Что касается Далай-ламы, он собственными действиями создает целый ряд подтверждений подобного рода опасениям: участвует в деятельности Союзного Комитета уйгуров, монголов, маньчжуров. Кроме того, весьма радушно был воспринят местными властями визит Далай-ламы на Тайвань в 1997 г. [11. Р. 8].

Фактор активного взаимодействия Далай-ламы с прочими акторами международных отношений обуславливает и позицию КНР в отношении них. Регулярные визиты духовного лидера Тибета в США не могли не сказаться на двусторонних связях двух государств. И действительно, к концу прошлого столетия отношения тибетского лидера с США заметно улучшились: так, если в период 1959–1979 гг. въезд Далай-ламы на территорию Соединенных Штатов был запрещен, то в последующий период встречи стали ежегодными [Там же].

Несмотря на декларируемую официальную позицию США, согласно которой государство склонно к «осторожности в щекотливом вопросе» [12. С. 5], а «приезд духовного лидера не означает намерений расстроить отношения с Пекином, Тибет остается неизменно неотъемлемой частью Пекина» [Там же]. Интерес, проявляемый США к Тибетскому вопросу, является абсолютно очевидным. Суть данного интереса, безусловно, не ограничивается лишь так называемой тибетской лихорадкой, охватившей западное общество и связанной, в первую очередь, с появлением немалого количества поклонников тибетского буддизма с его широкой популяризацией среди звезд Голливуда. Стало вполне очевидным, что Тибет – это «крепкий орешек» в американо-китайских отношениях, который сложно расколоть [11. Р. 18].

Сегодня Китай решительно настроен максимально ограничить возможность иностранного вмешательства в решение Тибетского вопроса. Непростительным станет допущение разворачивания «тайваньского сценария» и в этом регионе: слишком дорогой ценой за либерализацию Тибета и, как это принято называть, «распространение демократии и прав человека», осуществляемых посредством прямого вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела региона, придется заплатить Китаю. Возникнет непосредственная угроза усиления сепаратистских настроений в исламизированном СУАР, Внутренней Монголии, которые уже стали серьезным поводом для опасений со стороны китайского руководства.

Вполне обоснованно КНР заявляет о том, что встречи американского руководства с Далай-ламой –

грубое нарушение международного права и вмешательство во внутренние дела КНР. Несмотря на тот факт, что США постоянно отмечают, что встречи с Далай-ламой не носят политического характера, свои визиты он наносит в качестве прежде всего духовного лидера, а приемы американское руководство подчеркнуто осуществляет не в Овальном зале, предназначенном для встреч с политическими лидерами. Однако многие исследователи подчеркивают: тот факт, что Далай-ламу вообще принимают в Вашингтоне, уже подтверждает оправданность опасений Пекина. Отмечается, что во время визитов тибетского лидера в Россию высшее политическое руководство страны с ним не встречалось, а сейчас въезд Далай-ламы на территорию Российской Федерации и вовсе запрещен [13. С. 7].

Для чего же США вмешиваются в вопрос, и без того вызывающий напряженность и озабоченность китайского руководства?

Китай, будучи мощной экономической и военно-политической державой, является соперником США на международной арене. 7–8%-й экономический рост КНР уже превышает экономический рост США [Там же]. Китай способен составить конкуренцию США не только в экономическом, но и геополитическом плане. Взаимодействие с Далай-ламой становится рычагом непосредственного влияния на соперника. Встречаясь с Ламой, Китай «передает сообщение» США: «Мы готовы к урегулированию Тибетского вопроса, ко всестороннему сотрудничеству с тибетскими сепаратистами. Проблема будет урегулирована» [Там же. С. 8]. В свою очередь, США, налаживая контакты с Далай-ламой, обращают внимание КНР на степень своего влияния на регион.

Сегодня Далай-лама – прежде всего средство коммуникации между двумя крупными державами, и только потом – религиозный и политический лидер. По мнению аналитиков, США используют его как «карту в игре», как повод «сказать нечто» китайскому руководству или поддержать правозащитников [Там же]. Более того, есть основания полагать, что лидеры США и КНР не заинтересованы в скором решении Тибетской проблемы, консервация которой дает возможность для эффективных политических переговоров, стимулирования друг друга.

Проблема сепаратизма в Китае, в частности в Тибетском автономном районе, является актуальной в современных международных отношениях по многим причинам.

В первую очередь, это связано с тем, что ситуация в Тибетском автономном районе и отчасти схожая с ней обстановка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе демонстрируют мировой общественности важность вопроса о национальном самосознании. Происходящее в СУАР и ТАР подчеркивает, что осознание жителями определенных территорий самих себя в качестве членов определенной этнической общности, идентификация индивидами самих себя в качестве членов определенной национальной группы, общая историческая память, схожесть религиозных убеждений – все это позволяет выступать в качестве

самостоятельных и достаточно влиятельных акторов международных отношений, полноправно бороться за расширение собственной независимости. Возникновение тибетского и синьцзян-уйгурского вопросов является, в какой-то степени, результатом развития прочного самосознания у жителей данных территорий, общности исторического пути, длительной истории независимого существования, а также общности религиозных убеждений – большинство населения исповедует буддизм и ислам. Именно осознание членами данных общностей своей принадлежности к ним, т.е. наличие прочно сформированного национального самосознания, «чувства единства» и «неделимости» является «стойким фундаментом», «движущей силой» сепаратистских настроений в ТАР и СУАР. Таким образом, подобная ситуация, а также меры, к которым прибегает китайское руководство в

целях ее изменения и борьбы с одной из трех «враждебных сил» – сепаратизмом, служат наглядным примером для других государств, в рамках границ которых не исключено возникновение подобных проблем.

Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что тибетский фактор является одним из наиболее актуальных в американо-китайских отношениях, обуславливает их развитие в XXI в. Примечательно, что в рамках американо-китайских отношений и важности для них тибетского фактора роль духовного лидера Тибета, его взаимоотношений с западными державами, и в частности с США, является немаловажной. Стоит отметить, что от урегулирования тибетского вопроса в рамках американо-китайского взаимодействия будет зависеть характер отношений двух государств, степень их развитости и открытости.

ЛИТЕРАТУРА

1. КНР. Национальный вопрос: трудные поиски равновесия и стабильности // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3.
2. Андреева Т.Л. Выражение религиозной составляющей национального самосознания (сравнительно-сопоставительный анализ лексической семантики на материале английского языка): дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 2007.
3. Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3.
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // *Дипломатический вестник*. 2002. № 3. С. 51–56.
5. Ли Дэцзю. Дан дэ ди-сань дай линдао цзити дуй макэсычжунь миньцзю лилунь дэ синь фачжань синь гунсянь (Новое развитие и новый вклад коллективного руководства партии третьего поколения в марксистскую теорию национального вопроса) // *D5. Миньцзю вэньти яньцзю*. 2002. № 9.
6. Социально-экономическая ситуация в Синьцзяне // *polit-asia.kz*. URL: <http://polit-asia.kz/index.php/latest-news>.
7. Китай призвал Далай-ламу отказаться от иллюзий о независимости Тибета // *Деловая газета. Взгляд*. URL: <http://vz.ru/news/2015/4/15/740033.html>
8. Barry Sautman. China's strategic vulnerability to minority separatism in Tibet // *Asian Affairs*. 2005. Vol. 32, № 2.
9. Baogang He, Barry Sautman. The Politics of the Dalai Lama's New Initiative for Autonomy // *Pacific Affairs*. 2005. Vol. 78, № 4.
10. Далай-лама: монах, странствующий по свету // Далай-лама XIV. URL: http://dalailama.ru/news/216-dalai_lama.html
11. Barry Sautman. The Tibet Issue in Post-Summit Sino-American Relations // *Pacific Affairs*. 1999. Vol. 72, № 1.
12. Гашков И. Далай-лама проложил «срединный путь» в Вашингтон // *Независимая газета – Религии*. 2014. № 4.
13. Минин С. Обама, Лама и бесконечная драма // *Независимая газета – Религии*. 2010. № 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2015 г.

THE TIBETAN FACTOR IN THE US-CHINA RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 22–26. DOI: 10.17223/15617793/404/3

Andreeva Tatyana L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

Kern Kristina E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k-k-13@mail.ru

Keywords: separatism; US-China relations; Tibet issue; Dalai Lama; national identity.

The relevance of studying the problem of Chinese separatism and, in particular, the Tibet issue is becoming more and more apparent. Research on Tibetan separatism as an integral part of the US-China relations and the entire system of international relations in the 21st century are also important and popular. This article is devoted to the problem of separatism in China as a determining factor of the behavior of the Chinese authorities in the domestic and foreign policy. In addition, it examines the impact of Tibetan separatism in the foreign policy. The growing importance of the issue of Tibet for China's foreign policy and the US-China relations in particular is obvious. In this regard, it is important to pay attention to the prerequisites that caused the problem of separatism from Xinjiang and Tibet, to study the policy of the Chinese leadership as part of the problem, to define the role of the Dalai Lama and his relations with Western countries, to consider the extent of involvement of the United States in the problem and to determine what impact the Tibetan factor has on the development of the US-China relations. This article is devoted to the fact that the emergence of the problem of separatism in Xinjiang and Tibet has its own causes. It is noted that it has both historical, religious, political and territorial roots. National identity takes an important place among main prerequisites of the Tibet issue emergence. The fact that the population of the Tibet territory realizes its belonging to a specific ethnic group, its uniqueness, common historical path creates a solid foundation for the struggle for the independence of Tibet's population. In addition, the attitude of the PRC leadership to this problem and the undertaken measures are analyzed. The importance of the personality of the Dalai Lama and his contacts with the heads of other states is discussed. An important place is given to the study of the US interest in this area. The importance of the Tibetan factor for the US-China relations and its impact on the balance of powers on the world stage is discussed. It should be noted that during the research it was found that the Tibetan factor is one of the most pressing in the US-China relations. The role of the spiritual leader of Tibet is important. So we found out that there is a belief that the Dalai Lama today, first of all, is a way of communication between China and the US, and only secondly the religious and political leader. According to analysts, the US uses it as a "card game" as an excuse to "say something" to the Chinese leaders or human rights supporters. Moreover, there is a reason to believe that the leaders of the United States and China are not interested in resolving the Tibetan problem soon, since conservation is an opportunity for effective political talks, stimulating each other.

REFERENCES

1. Aziya i Afrika segodnya. (2010) KNR. Natsional'nyy vopros: trudnye poiski ravnovesiya i stabil'nosti [China. The national question: the difficult search for balance and stability]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3.
2. Andreeva, T.L. (2007) *Vyrazhenie religioznoy sostavlyayushchey natsional'nogo samosoznaniya (sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz leksicheskoy semantiki na materiale angliyskogo yazyka)* [Expression of the religious component of national identity (comparative analysis of lexical semantics on the material of the English language)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Lazareva, T.V. (2010) Zizgagi natsional'noy politiki Kitaya [The zigzags of the national policy of China]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3.
4. Diplomaticheskiy vestnik. (2002) Shankhayskaya konventsia o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom [The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. *Diplomaticheskiy vestnik*. 3. pp. 51–56.
5. Li Dezhi. (2002) New development and new contribution of the third generation of collective leadership of the party in the Marxist theory of the national question. *D5. Min'tsuzhven'tiyan'tsyzu*. 9. (In Chinese).
6. Izimov, R. (2014) *Sotsial'no-ekonomicheskaya situatsiya v Sin'tsziyane* [The socio-economic situation in Xinjiang]. [Online]. Available from: <http://polit-asia.kz/index.php/latest-news/408>.
7. Vzglyad. (2015) Kitay prizval Dalay-lamu otkazat'sya ot illyuziy o nezavisimosti Tibeta [China urged the Dalai Lama to abandon illusions about the independence of Tibet]. *Vzglyad*. [Online]. Available from: <http://vz.ru/news/2015/4/15/740033.html>.
8. Sautman, B. (2005) China's strategic vulnerability to minority separatism in Tibet. *Asian Affairs*. 32:2.
9. Baogang He, B. & Sautman, B. (2005) The Politics of the Dalai Lama's New Initiative for Autonomy. *Pacific Affairs*. 78:4.
10. The Dalai Lama XIV. (2010) *Dalay-lama: monakh, stranstvuyushchiy po svetu* [The Dalai Lama: a monk wandering around the world]. [Online]. Available from: http://dalailama.ru/news/216-dalai_lama.html.
11. Sautman, B. (1999) The Tibet Issue in Post-Summit Sino-American Relations. *Pacific Affairs*. 72:1.
12. Gashkov, I. (2014) Dalay-lama prolozhil "sredinnyy put'" v Vashington [The Dalai Lama paved the "middle way" in Washington]. *Nezavisimaya gazeta – Religii*. 4.
13. Minin, S. (2010) Obama, Lama i beskonechnaya drama [Obama, Lama and endless drama]. *Nezavisimaya gazeta – Religii*. 4.

Received: 04 September 2015